

Танкер «Дербент»: Сброд -1

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 23 января, 2025

Танкер "Дербент": Сброд -1 СБР0Д

1.

Непрестанно шелестит вдоль бортов зеленая вода. Лениво отваливаются белоснежные пласты пены. Рассыпаются по волнам и бесшумно лопаются мириады пузырей.

Французская девочка Нелли
Продавала букеты камелий...

Солнцем нагрета стальная палуба. Солнце дробится на волнах, горит на вычищенной меди перил. Черт знает, что означают слова песни! Ветер принес их неизвестно откуда, и, как сладкий клей, пристали они к губам Гусейна. Чуть забудется – начинает их мурлыкать. Присаживается на корточки возле люка и смотрит вдаль. Истлеет белым прахом сигарка-самокрутка, – надо опять спуститься к машинам. Кругом пусто. В вентиляционной трубе звенят струи воздуха, все катятся и катятся волны. То же было вчера и будет завтра.

Английский воспитанный бой
Любил ее взор голубой...

Гусейн не думает о словах песни. Он думает о том, нельзя ли уйти с танкера до конца навигации. Притвориться больным? Затеять драку на стоянке? Нет, все это не годится. Уйти по-хорошему тоже невозможно. А между тем здесь нет никого, к кому бы можно было прилепиться душой. Во время первых рейсов он перезнакомился со всей командой, угощал папиросами, предлагал сыграть в домино. Тоска загоняла его во все уголки судна, где раздавались голоса и двигались люди. Так прошли первые рейсы, люди утратили свою таинственную новизну, и тоска стала привычной.

Боцман Догайло без конца снует по палубе, и глаза его, полные тупой старческой заботы, всё ищут, что бы такое привести в порядок. Он торопится и не отвечает на вопросы.

Пробовал Гусейн сойтись со вторым штурманом – Алявдиным. Ему стал рассказывать он, как за пьянку его исключили из комсомола. Но по мостику пробежала горничная Вера. Алявдин шепнул: «Заприходуем...», подмигнул и расхохотался, потирая руки. Так и не окончил Гусейн рассказа.

Попробовал он прибиться к комсомольцам. Они держались дружно, но слишком замкнуто. Их было пятеро: трое электриков, один моторист и помощник механика. Это были демобилизованные краснофлотцы, и от военной службы остались у них любовь к дисциплине, подчеркнутая аккуратность в одежде и та неторопливая, деловитая серьезность, которая отличает людей, привыкших к ответственности. Гусейну очень нравились эти ребята, он даже заискивал перед ними немного. Один из них, электрик Котельников, подробно расспросил его о злополучной пьянке. Лицо у Котельникова было спокойно-брезгливое, точно он запачкался обо что-то. Его любопытство растаяло с последним вопросом.

– Покажи себя в работе, – сказал он поучительно, – впрочем, едва ли что-нибудь выйдет. Комсомол – не проходной двор.

Он огляделся, отыскивая предлог, чтобы прекратить разговор. Гусейн готов был провалиться сквозь землю. Теперь он избегал комсомольцев. Люди не интересуются его судьбой – отлично. Он не интересуется людьми. Ему нет до них дела.

До Астраханского рейда тридцать восемь часов пути. Обратно порожнем – тридцать. Вечно открытое, море, синь над головой и упругий ветер. Капитан Кутасов читает в каюте толстые книги, печально вздыхает и вытирает платком багровую шею. Штурман Касацкий опускает деревянную штору и запирает дверь на крючок. От него постоянно пахнет водкой, но он никогда не споткнется, никогда не повысит голоса. И он никогда не смотрит на Гусейна. Второй штурман Алявдин заводит в каюте патефон. Квакают саксофоны, поют скрипки, звенят цимбалы. В узком проходе между койкой и шкафом топчется штурман Алявдин, разучивая па модных западных танцев.

Гусейн не читает книг, не покупает ни новых пластинок, ни палевых галстуков. Гусейн не смеет пить водку. После вахты он нарочито медленно моется под душем, чтобы убить время. Пузырится мыльная пена, острые струйки покалывают плечи – горькая забортная вода. На мачтах вспыхивают звезды топовых огней, с моря наплывает сырая, прохладная темнота. Он садится на крышку люка, мурлычет протяжно-глупую песню, мечтает:

«Весь этот сброд только и думает, как бы удрать на берег. Вероятно, многие удерут еще до конца навигации. Тогда на танкер придут новые люди, и с ними можно будет сдружиться. Будут все делить пополам и стоять вместе ночные собачьи вахты – неразлучные в работе, в беде, в скандале. Хорошо забежать с другом на приморский бульвар, оторвать на гитаре «Яблочко», поплясать под луной. Отстоять за друга вахту в непогоду, в болтанку, в холод. Наговориться досыта, пройтись в обнимку, стиснуть на прощанье руку: «свой до смерти». Только пока все это одни мечты. На «Дербенте» сорок пять человек – матросы, мотористы, штурманы – и нет настоящей дружбы».

Вот штурман Касацкий ведет капитана по спардеку, придерживая его локоть. На лице его ослепительная наивная улыбка. Так может улыбаться только он – помощник Касацкий. Верно, так улыбался он, когда притиснул девушку в тамбуре спального вагона.

– Да плюньте, Евгений Степанович, не обращайтесь внимания, – уговаривает он старика, – из-за пустякового опоздания в пароходстве поднимают бучу. Пора привыкнуть! К тому же вы на хорошем счету, голуба моя...

Поглядишь, какая дружная пара – капитан и первый помощник. Но через час Касацкий снова на спардеке. На этот раз его сопровождает Алявдин.

– Старик получил нагоняй по радио, – говорит Касацкий, отпуская дежурную улыбку, – добрый старик, но... труслив, ленив и безволен. Случись авария, он постарается свалить все на нас. Вот увидите.

Они почти задевают Гусейна, проходя мимо. С кем-то будет шептаться сегодня помощник Алявдин?.. Нет, дружба не существует на «Дербенте»! Есть только ее лукавая оболочка –

прогулка под руку, вежливая любезность, и осторожное покалывание ядовитым словцом сквозь ослепительную улыбку. В таком случае не надо дружбы.

Но главное, в чем не повезло Гусейну, – у него невозможный начальник. Если бы ему представилась возможность выбирать, он выбрал бы Касацкого или Алявдина. Старший механик Басов хуже их обоих, он даже хуже любого из сорока пяти на «Дербенте».

Басов спускается к машинам каждую вахту. У него вид человека, вечно страдающего от зубной боли, красные белки глаз. Он стоит немного сгорбившись и расставив локти, словно приросший к стлани. От этой неподвижной фигуры, по изломанным радиусам разбегаются механики, слесари, мотористы. Он стоит, освещенный сверху тусклым светом ламп, и на его плечи ложится весь неистовый гром шестицилиндровых дизелей «Дербента».

Вот появляется на верхней решетке запоздавший моторист. Руки его скользят по сальным перилам трапа, ноги подгибаются, размякшие от сна. В тот момент, когда он достигает дна и делает пол-оборота, старший механик расклеивает сжатые губы:

– Выспались? А не то вернитесь обратно. Обойдемся без вас.

Грохот начисто съедает слабые звуки его голоса, но слова угадываются по движению губ. Старший механик был когда-то простым мотористом. Так говорят люди. Он мог бы быть поласковее с ребятами. Верно, бессонница, выкрасившая в красный цвет белки его глаз, иссушила и его сердце.

– Сукин сын, – бормочет Гусейн, с ненавистью глядя на его широкую спину, – а еще партиец. Прижимник!

Сам Гусейн никогда не опаздывает на вахту. Старший механик ни разу не сказал ему резкого слова. Но они избегают один другого и приглядываются друг к другу, как враги. Когда-нибудь они, наверное, столкнутся.

Перед концом вахты взбирается Басов на верхний пояс, к электромашинам. Здесь сравнительно тихо, влажная жара. За щитами мягко жужжат динамо. Басов перегибается через перила и прислушивается к тактам моторов. И странное дело – изо всех углов машинного отделения сходятся без зова механики, мотористы, электрики. Они взбираются по трапу, голые, в трусиках и промасленных безрукавках. На их лицах, жарко-

румяных, ручки грязного пота. Подошедшие первыми облокотились рядом с Басовым у перил. Остальные топчутся сзади.

– Левый двигатель дает сто три оборота, – говорит Басов, – правый сто пять. Я уверен, что можно получить все сто десять. Ребята подталкивают друг друга локтями, кривят рты. Судно только что из дока! Гусейна бесит это хвастовство.

– Отчего же не даете, товарищ стармех? – произносит он вызывающе. – Ведь это же легко. Начать да кончить!

Он оглядывается на товарищей, ожидая одобрения. Басов говорит спокойно:

– Один я ничего не смогу сделать. Да это и не так просто. Но с вами вместе мы это осилим вполне. – Он оживляется и поднимает голову. – Мотористы не хуже меня понимают, в чем дело. Форсунки засоряются – раз. Значит, топливо в цилиндры поступает не равномерно. Кольца поршневые не годятся – два. Отсюда неполное сжатие смеси. Инженеры регистра приняли теплоход и составили акт. Инженеры регистра живут на берегу. На судне живут моряки...

Гусейн выдвигается вперед и, забывшись, кладет локти на плечи соседей.

По лицу механика ползут пепельные тени. Он медленно склоняет голову, словно готовясь прободать невидимое препятствие.

– Иной моторист боится дышать на машину, потому что ее регулировали на берегу. Такому здесь не место. Пускай на барже, плавает. Это не моряк! Ты машину отрегулируй не раз и не два, тогда она себя покажет и паспорт свой, переплюнет. Верно или нет?

Он оглядывает притихших ребят, и взгляд его гаснет. Он вытирает лоб и топчет ногою окурков. Мотористы, электрики, слесари тянутся гуськом к выходу. Гусейн неохотно трогается с места. Перед ним спина Басова с мокрыми от пота лопатками. Если он оглянется, Гусейн отважится заговорить. Но Басов спешит обратно в машинное. Последнее, что видит Гусейн, – стриженный пушистый затылок. И, замирая на месте, привычно восстанавливает он свою защитную позицию против равнодушного мира: «Зарабатывает авторитет... ишь, стерва!»

Гусейну не с кем перекинуться словом. Поэтому он жадно слушает

слова, предназначенные другим. Он знает – старшего механика не любят на судне.

– Посадили на шею комиссара, – вздыхает капитан Кутасов, – сегодня он говорил помполиту, что погрузку можно производить быстрее. Может быть, завтра он начнет следить за мной, почему я знаю?

В глазах капитана болезненный застарелый испуг, и на выручку ему спешит ослепительная улыбка Касацкого.

– Евгений Степанович, роднуля! Наш уважаемый механик немного ушибся, – он делает движение пальцем около лба, – стоит ли волноваться?

Гусейну приятно, что он не одинок в беде. Рядом с ним человека окружает такая же глухая стена неприязни. Но Басов будто ничего не замечает. Во время погрузки он все посматривает на часы. Он пытается вмешаться, смешной, нелепый человек с воспаленными красными глазами. Чего можно добиться с таким сбродом? Публика почище идет на сухогрузные суда, где легче работа, длиннее стоянки, где чаще получают премиальные. Сюда попали те, кто к моменту спуска танкера болтался на берегу. Многие из них наспиртованы, больны, никуда не годны. Они курят на грузовой палубе, несмотря на приказ, и движутся лениво, как сонные мухи. Сегодня моторист Козов осматривал смазочный насос. Он только приоткрыл крышку, измазал пальцы, и при этом он подмигнул Гусейну и скорчил уморительную гримасу. Гусейн отвернулся. Разве ему не все равно? Пусть надрывается механик, отлынивают мотористы, пусть курят на палубе матросы. Пусть комсомольцы собираются и голосуют впятером. Танкер не выполнил плана, он идет последним в этой навигации. Пусть! Powestler